

Прошло несколько дней, и в деревне словно назревало что-то — атмосфера незаметно менялась.

Муж Тянь Саньнян, Тянь Далян, вернулся с подработки из городка Шаньмин. Через плечо у него висела дорожная сумка, в которой лежали сушёные фрукты и закуски — гостинцы для жены и дочерей.

Едва он вошёл в деревню, радость возвращения домой невольно исчезла с его лица, сменившись заметной тяжестью и сложными, противоречивыми чувствами.

Дом для него означал долгожданную встречу с женой и детьми, но вместе с тем — неизбежное столкновение с матерью.

Каждое возвращение сопровождалось этим внутренним разладом: ожидание и отторжение переплетались в душе. К счастью, дома он задерживался ненадолго — вскоре снова уезжал работать в город. Редкие встречи немного смягчали его неприязнь к матери.

Только вот его жене приходилось нелегко — оставшись дома, она терпела бесконечные придирки и давление со стороны свекрови.

По дороге Тянь Далян не раз вздыхал, наставляя себя быть терпеливым и сдержанным, ни в коем случае не доводить дело до ссоры.

Если мать снова устроит сцену у кривого дерева на въезде в деревню — повесится и станет голосить, обвиняя его в сыновней неблагодарности, — он не только потеряет лицо перед людьми, но и может подвергнуться наказанию по родовым правилам.

Подойдя к воротам дома, Тянь Далян глубоко вдохнул и сказал себе: что бы он сейчас ни увидел, нельзя поддаваться гневу.

Неважно, будет ли мать размахивать ножом, пугая старшую дочь, или грозить раскалёнными щипцами младшей — он должен всё стерпеть.

Терпеть, терпеть и ещё раз терпеть... Но сколько можно?

Его мать сама грызёт кости, ест мясо, а самая младшая, Сань-я, голодная, ползает по земле, словно собачонка, стоит на коленях перед ней, умоляя о куске мяса — и в ответ получает пинок, отлетая на несколько шагов.

Чем больше Тянь Далян об этом думал, тем сильнее разгорался в нём гнев. Но в реальности он был бессилён — оставалось лишь бежать подальше.

С тяжёлым сердцем он толкнул ворота во двор — и на мгновение застыл.

Посреди двора стоял стол. На нём лежали горячие кукурузные лепёшки, а рядом — целое блюдо жареного мяса.

Его три дочери, прежде похожие на маленьких нищенок, теперь были одеты в чистую одежду.

Ткань... он сразу узнал её — тот самый синий узорчатый материал, который мать хранила на дне сундука как приданое со дня свадьбы. В детстве он часто видел, как она доставала его и гладила.

Эта ткань пролежала десятки лет — мать так и не решалась её раскроить. А теперь она

оказалась на детях.

Три девочки жадно уплетали мясо. И мать не только не жалела, но смотрела на них с удовольствием, приговаривая, чтобы ели больше и не спешили.

Тянь Даляню показалось, будто он увидел призрак.

Его отец, Тянь Юнцянь, с явным недовольством пробормотал:

«Три девчонки... и мясо им подавай? Ни праздника, ни повода — ещё и в хорошей одежде...»

Старая У искоса глянула на него и холодно бросила:

«Родных внучек не жалеешь? Тогда и тебе добра не будет — помрёшь дурной смертью!»

Старая У, только что выругавшись, подняла голову и увидела у ворот своего остолбеневшего сына. Её перекошенное от злости лицо тут же расплылось в улыбке — она радостно зазвала его, ласково приговаривая:

«Сынок вернулся, сынок вернулся!»

У Тянь Даляна по спине пробежал холодок — он насторожился. Он боялся, что мать, как обычно, сейчас рванётся к нему, выхватит сумку, перетряхнёт её, выгребет все деньги, заберёт сладости и начнёт ругать его за расточительность.

Тянь Саньнян, услышав шум, поспешно выбежала из дома. Увидев мужа, она радостно улыбнулась, поглаживая живот.

Заметив его растерянный и настороженный взгляд, словно он не узнаёт собственный дом, Тянь Саньнян поняла его чувства — сама ещё пять дней назад никак не могла привыкнуть к внезапным переменам в свекрови.

«Хэ Бянь теперь может призывать духа предка» - сказала она. «Он предсказал судьбу матери и сказал... что наши три девочки — пришли за долгом. Если их хорошо растить, бедствие, нависшее над матерью, рассеется».

«И откуда взялся этот мастер?» - ошеломлённо спросил Тянь Далян.

«Хэ Бянь».

«Хэ Бянь?»

Тянь Далян долго пытался вспомнить, кто это такой. Лишь когда Тянь Саньнян напомнила, что это старший брат Тянь Ваньсин, в его памяти всплыл смутный образ — тихий, покладистый парень, всегда с опущенной головой, занятый работой, робкий и нелюдимый.

И он — способен призывать предков?

Да что за нелепость... Впрочем, неважно, правда это или нет. Главное, что мать изменилась, стала мягче и относится к его семье лучше — и Тянь Далян был только рад.

Он уже взял кукурузную лепёшку, собираясь поесть, как мать тут же шлёпнула его по руке:

«Это для Хэ Бяня».

Тянь Далян нахмурился. Что же это за сила такая у Хэ Бяня, если даже его мать старается ему угодить, да ещё и говорит о нём с явным почтением и даже страхом?

Старик Тянь проворчал:

«Твоя мать... точно бес попутал. В тот день вернулась — сама себя по щекам била, ещё и перед тремя девчонками извинялась. Этот сопляк умудрился взять в оборот старуху, которой одной ногой в могиле стоять. Недоценили мы этого Хэ Бяня. Но если он и вправду может призывать духов — разве предки вселились бы в какого-то парнишку? Да они бы уж выбрали мужчину».

Старая У тут же подняла свою тяжёлую ладонь и с размаху ударила старика:

«Ах ты, старый хрыч! Ещё слово скажешь — выметайся! Хочешь помереть — помирай быстрее, не губи нашу семью!»

Старик Тянь притих, не осмелившись больше спорить.

Тянь Далян сначала думал, что мать лишь притворяется, пытается усыпить его бдительность, чтобы потом снова обчистить. Но, глядя на её странную, настороженную серьёзность, он и вправду начал понемногу верить.

Как бы там ни было — Хэ Бяню стоило сказать спасибо.

Трое детей, поев, выбежали играть во двор, а взрослые, взяв мотыги, отправились работать в поле.

Тянь Далян и Тянь Саньнян ушли совсем недалеко, когда со стороны дома вдруг послышался шум — словно мать снова на кого-то кричала. Они уже привыкли к таким сценам и не собирались возвращаться, но вдруг кто-то из деревенских закричал: «Похититель детей!»

Испуганные, супруги тут же бросились обратно домой.

Тем временем человек, которого деревенские окружили плотным кольцом, — тот самый похититель — был вне себя от ярости и раздражения.

Похититель крепко схватил Сань-я за плечо и за шею:

«Старая У, да у тебя смелости хоть отбавляй! Осмелилась идти против нашей конторы, ещё и ловушку нам устроила? Зачем ты сюда этих людей созвала? Разве не ты полмесяца назад сама пришла к нам, чтобы продать свою младшую внучку? А теперь строишь из себя, будто у тебя самое дорогое отнимают — перед кем спектакль разыгрываешь?!»

С этими словами он вытащил из-за пазухи договор — на нём ясно виднелся красный отпечаток пальца.

Увидев это, деревенские растерялись. В конце концов, старая У вполне могла пойти на то, чтобы продать внучку.

Но та, заметив доказательство, тут же закричала и закатила скандал:

«Это вы силой покупаете и людей подставляете! Спасите! Они ребёнка отбирают!»

Сань-я разрыдалась так, что сердце сжималось. Видя это, деревенские не выдержали и стали требовать, чтобы торговцы отпустили девочку. Те, заметив направленные на них мотыги,

нехотя разжали руки.

Сань-я тут же оказалась в объятиях старой У, которая зарыдала навзрыд, словно у неё действительно отняли жизнь.

«Похоже, старая У и вправду осознала свою ошибку» - сказал кто-то. «Всё-таки любит внучку, не такая уж она, как о ней говорят».

«Да нет же» - тихо возразил другой. «Ты разве не слышал? Пять дней назад Хэ Бянь предсказал её судьбу и сказал, что она продаст Сань-я. Предупредил: если она будет продолжать плохо обращаться с девочками, её ждёт страшная смерть и адские муки».

«Правда? Неужели он такой сильный? Надо и мне сходить к нему погадать!»

Шумная сцена закончилась без беды. Тянь Далян тоже понял, что стоит за переменами в его матери. Если раньше он сомневался, то теперь был готов хоть на колени пасть перед Хэ Бянем.

Тянь Саньнян, всё ещё дрожа от пережитого, крепко прижимала Сань-я к себе. Страшно было даже подумать, что случилось бы без вмешательства Хэ Бяня — их семья могла бы просто развалиться. Она взяла девочку за лицо и сказала:

«Сань-я, запомни: дядя Хэ — твой спаситель».

Перепуганная до потери чувств девочка кивнула, не переставая плакать.

Вскоре семья Тянь взяла с собой пять цзиней риса и кусок вяленого мяса, чтобы поблагодарить Хэ Бяня. По дороге старший Тянь сказал:

«У нас дома есть свободная комната. Если Чжан Мэйлинь плохо с ним обращается, давайте заберём его к себе».

Тянь Саньнян ответила:

«Ты думаешь, ты первый это предложил? В деревне уже многие звали его к себе. Но Хэ Бянь не пойдёт».

«Почему он всё ещё живёт у Чжан Мэйлинь? Никогда бы не подумал — с виду она такая приветливая, а за спиной такая жестокая... Даже хотела подослать Ван Саньлана... на такое дело».

Тянь Саньнян кивнула — и правда, раньше этого не замечали. Но затем добавила:

«Сейчас в деревне все говорят, что семья Чжан Мэйлинь — грешники перед родом. Если они не будут как следует заботиться о Хэ Бяне, то разгневают предков. Думаю, у неё не хватит смелости пойти против этого».

Разговаривая, они подошли к дому Чжан Мэйлинь. Двор семьи Тянь, где раньше шумели куры и утки, теперь выглядел иначе: повсюду валялись перья, лишь несколько птиц жалко жались в стороне.

Чжан Мэйлинь как раз держала миску и почтительно подносила её Хэ Бяню — так заботливо она не относилась даже к Тянь Ваньсин.

Тянь Саньнян с мужем поспешили вперёд, объяснили цель визита и тут же с глухим стуком

опустились на колени. Хэ Бянь от неожиданности сделал несколько шагов назад:

«Я уже всё знаю».

О таком происшествии, конечно, было невозможно не услышать.

Но в глазах супругов это выглядело так, будто всё было предсказано им заранее.

Они не осмеливались даже поднять взгляд на Хэ Бяня, лишь без остановки били поклоны. Для Тянь Саньнян, как для невестки и матери трёх девочек, он стал словно вторым родителем. Если бы не он, она и представить не могла, что их ждёт впереди. Если бы Сань-я продали, она, наверное, и сама долго бы не прожила.

Поблагодарив его, супруги ушли.

Но той же ночью Сань-я проснулась в ужасе — её терзали кошмары, она кричала и не могла успокоиться.

Это было похоже на потерю души от испуга. Старая У поспешно велела сыну взять девочку и идти к Хэ Бяню — просить его помочь.

Тянь Далян, держа ребёнка на руках, вместе с матерью среди ночи прибежал к дому плотника Тяня и стал звать.

«Хэ Бянь живёт в заднем дворе, возле свинарника» - сказала старая У. «Спереди, нас, наверное, не услышат, пойду позову сзади».

Она уже собиралась идти, как вдруг увидела, что Хэ Бянь выходит из главного дома во дворе.

Старая У тут же всё поняла — Чжан Мэйлинь оказалась достаточно сообразительной, чтобы уступить ему лучшую комнату.

Они объяснили, в чём дело. Разбуженный Хэ Бянь на мгновение растерялся.

Он ведь не умел призывать души.

Но три пары глаз смотрели на него с тревогой и надеждой, и Хэ Бянь ничего не оставалось, кроме как притвориться и начать "играть роль": он положил руку на голову Сань-я и что-то тихо пробормотал себе под нос.

Сань-я только почувствовала, как грубая ладонь опустилась ей на лоб — тёплая, почти священная. В тот миг ей даже показалось, что лицо Хэ Бяня в ночи будто светится.

Увидев, что девочка не сводит с него глаз, Хэ Бянь сказал:

«Спи спокойно».

«А старший брат-дух будет меня защищать?» - спросила Сань-я.

«Будет» - ответил он.

Сань-я кивнула и действительно успокоилась.

И этой ночью, и в последующие дни у неё больше не было ночных кошмаров. Она спокойно

спала, с аппетитом ела, и с каждым днём выглядела всё здоровее.

<http://bllate.org/book/17226/1616182>